

делю православия. В области агиографии рядом с несколькими чешскими и моравскими житиями не встречаем ни одного балканского из данного периода, кроме утерянного жития св. Климента. Правда, мы имеем много данных о произведениях из области церковно-учительской письменности, возникших на Балканах трудами учеников славянских апостолов, но их южнославянское происхождение бросается в глаза прежде всего благодаря сохранившимся записям с именами их авторов, тогда как отсутствие таких данных об именах западнославянских писателей той эпохи не дает нам возможности на первый взгляд выделить в общем литературном старославянском наследии произведения западного происхождения. Таким образом, в данном вопросе приходится опираться на лексический и вообще филологический анализ текстов, который с неизмеримо большими трудностями позволяет вскрывать в позднейших русских списках хронологические слои древнего старославянского и балканского происхождения. Это, как особо подчеркнул уже В. М. Истрин, в высшей степени сложный и тяжелый труд, который лишь начат в работах А. И. Соболевского и который и в данное время можно считать лишь заданием для будущих исследований.

Такой анализ сможет в будущем показать, действительно ли все западные памятники, попавшие на Русь, прошли через южнославянскую среду или отдельные произведения переходили на Восток непосредственно из Чехии, Польши и Венгрии. Мы упоминали о географическом аргументе Н. К. Никольского, который говорит за то, что Руси было неизмеримо легче принимать литературное наследие непосредственно от своих западных соседей, нежели кружным путем через Балканы. Между тем в данном вопросе, кроме фактора расстояний, в самой большой мере следует принимать во внимание и чисто исторический фактор: политическую обстановку, которая могла содействовать или препятствовать осуществлению взаимных культурных связей между Русью и остальным славянством в различные периоды. Если эти чисто исторические предпосылки в вопросе русских сношений с Чехией, Польшей и Венгрией в течение всего X и XI вв. были более или менее однородными, то совсем иными должны они были быть в отношении к славянским Балканам. Византийское завоевание Балкан в первые годы XI в. делит историю балканских славян и в политическом, и в культурном отношении на два особых периода. Первый — X в. — эпоха политического могущества Болгарии и ее культурной гегемонии в славянском мире. В этот период ученики просветителей Кирилла и Мефодия перенесли на Балканы литературную традицию своих учителей и в эпоху Симеона Великого сделали старославянскую письменность общеславянской. Второй период — XI и XII вв. — эпоха потери политической независимости и период насильственной эллинизации болгарского и македонского народов со всеми последствиями духовного гнета и культурного регресса. Рождение русской письменности относится еще к эпохе болгарско-македонской культурной экспансии, которая наиболее ярко проявилась в формировании церковнославянского типа русского литературного языка. Между тем эпоха создания самостоятельной русской литературы в XI в. приходится уже на период культурной изолированности южного славянства под византийской властью. Последняя, конечно, пользовалась всеми средствами для того, чтобы воспрепятствовать развитию культурных связей между своими беспокойными славянскими подданными и независимыми славянскими землями на севере. В таких условиях трудно предполагать, чтобы южнославянская письменность в данный период могла играть роль посредника в литературных связях Руси с западным славянством, и значительно более вероятным будет предположение, что русско-западнославянские связи XI в. осуществлялись и развивались непосредственно.